

ДЛЯ МАЛЮТЪКЪ

Е. В. ЛЕНСКОЕ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ

журнала «ИГРУШЕЧКА»

1895.

АВГУСТЪ № 8.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Цвѣты. Разказъ. <i>Анны Догановичъ</i>	113
II. Картинка на отдѣльной страницѣ.	115
III. Собака. Бурятская сказка. <i>Клавдіи Лукашевичъ</i> . Съ двумя рисунками.	121
IV. Любовь все побѣждаетъ. <i>Евлины Аренсъ</i>	124
V. Ножницы и туалетная подушечка. <i>Шутка</i>	128

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Фурштадтская, д. № 44.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

Ц В Ъ Т Ы.

(Разсказъ).

I.

Зина бѣгала по саду. Ей понравились розы, и она принялась рвать ихъ. Скоро передничекъ ея уже наполнился и оттопырился. Не хватало еще только одной розы, которая красовалась наверху куста. То былъ самый пышный цвѣтокъ. Зинѣ непременно захотѣлось достать его. Она потянулась за нимъ, но, запнувшись за что-то, упала и рассыпала цвѣты. Дѣвочкѣ показалось, что они

запачкались въ грязи. Она не стала поднимать ихъ, а нарвала новыхъ и побѣжала далѣе.

— Мнѣ надо разныхъ цвѣтовъ... я сдѣлаю себѣ красивый вѣнокъ,—разсуждала она, подвигаясь въ припрыжку по аллеѣ.

Она остановилась у куртины съ колокольчиками.

— Какіе миленькіе цвѣточки!

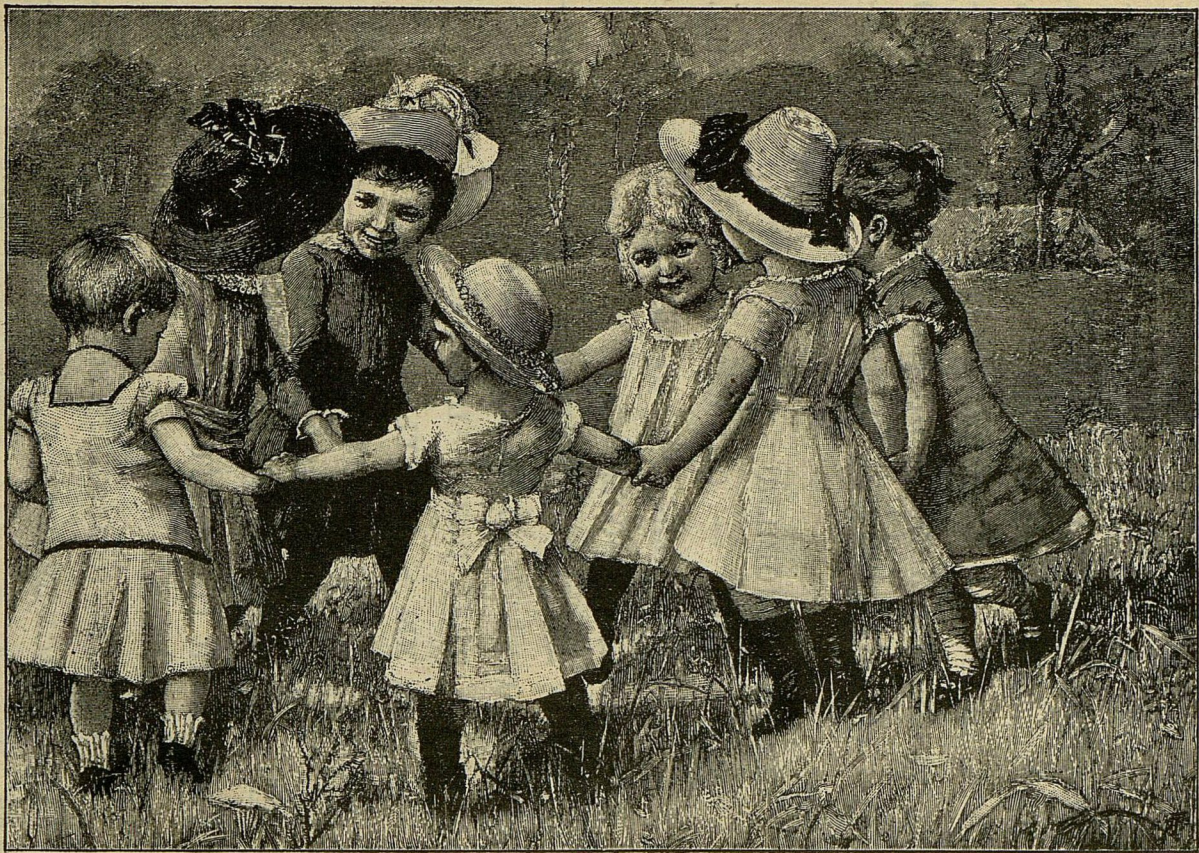
Она нарвала большой пучокъ; но изъ него Зина выбрала только лучшіе цвѣты, а остальные бросила. Затѣмъ дѣвочка побѣжала далѣе. Она остановилась у клумбы съ маргаритками. Цвѣты стояли такіе, чистенькіе, бѣленькіе, точно умытые. Зина опустилась на колѣни, и принялась рвать ихъ. Потомъ она начала плести вѣнокъ изъ маргаритокъ. Но онъ не удавался: цвѣты всѣ разсыпались. Это надоѣло дѣвочкѣ.

— Лучше побѣгаю,—рѣшила она,—а вѣнокъ сплету вечеромъ, дома.

Зина отнесла цвѣты въ дѣтскую.

Скоро дѣвочку позвали ужинать, а потомъ послали спать.

Такъ она и не успѣла сплести вѣнка.

Дѣти взялись за ручки и пошли кружиться.

II.

Зина увидѣла во снѣ, что опять она бѣгаетъ по саду. Видитъ—передъ нею необыкновенный кустъ: вмѣсто цвѣтовъ сидѣли на его вѣткахъ маленькія дѣвочки въ розовыхъ платьицахъ. Онѣ держали въ рукахъ золотыя чашечки, изъ которыхъ пили свѣжую росу. Дѣвочки весело болтали и звонко смѣялись.

Зина остановилась въ изумленіи.

— Кто вы? — спросила, наконецъ, она.

— Мы — розы, — отвѣтили ей.

— Какъ — розы?

— Да, да, мы — дѣвочки розы, — зазвенѣло въ отвѣтъ ей нѣсколько голосовъ.

— Но вѣдь розы—цвѣты?

— Да, мы — цвѣты!

Зина не понимала.

— Вѣдь вы — живыя дѣвочки?

— Да, живыя.. но и цвѣты — живые.

— Папа говорилъ мнѣ... только...

— Что?

— Онъ не сказалъ, что цвѣты—дѣвочки.

Розы засмѣялись и закачались на вѣткахъ.

— Какая ты — забавная: цвѣты — не

все дѣвочки, бываютъ и мальчики. Поди, туда, — увидишь.

Онѣ указали ей вдаль.

Зина сдѣлала нѣсколько шаговъ, но остановилась, наткнувшись на розовыхъ же дѣвочекъ, лежавшихъ на землѣ.

Розы разметались, вытянувъ ножки въ коричневыхъ чулочкахъ, платица ихъ были въ беспорядкѣ.

— Что съ вами?—спросила Зина.

— Ахъ, простонала одна малютка,—мы умираемъ!

Зинѣ сдѣлалось жаль ихъ.

— Пить... воды!.. пролепетала бѣдняжка.

Зина осмотрѣлась.

Воды близко не было.

— Скажи, милая роза, отчего вы умираете?

— Какая то злая-дѣвочка сорвала насъ и бросила... Солнце палило цѣлый день... пересохло все внутри... О, какъ больно!.. Помогите!

Она стала вытягиваться.

Зина испугалась ея крика и убѣжала. Вдругъ она услышала вблизи звонъ колокольчиковъ. Она осмотрѣлась и увидѣла цѣлую толпу маленькихъ мальчиковъ, одѣ-

тыхъ въ лиловыя курточки и зеленые чулочки. На головахъ у нихъ были надѣты золотые колокольчики. Мальчики печально качали головками и горько плакали.

— О чемъ вы? — спросила ихъ Зина.

— Объ убитыхъ братцахъ горюемъ, — отвѣтили они.

Зина увидѣла на куртнѣ лежавшихъ много такихъ же лиловыхъ мальчиковъ.

— Кто же ихъ убилъ? — спросила она.

— Какая-то злая дѣвочка.

— А кто вы?

— Мы — цвѣты-колокольчики.

Зина сдѣлалось очень неловко. Она вспомнила, какъ рвала наканунѣ цвѣты. Неужели же это — тѣ самые? Неужели она погубила ихъ?

Дѣвочка не могла смотрѣть на мертвыхъ малютокъ и отвернулась.

Звонъ и плачъ усилились.

Зина поспѣшила удалиться.

Въ углу сада она увидѣла толпу маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платьица съ желтыми шляпками на головахъ.

Всѣ онѣ что-то кричали и махали ей. Зинѣ показалось, что онѣ зовутъ ее.

Она приблизилась.

— Злая, гадкая дѣвочка!—набросились тѣ на нее,—какъ тебѣ не стыдно было погубить столько цвѣтовъ!

Зина остановилась.

— Да что вы, я...

— Молчи, не отпирайся!—закричали на нее бѣлыя дѣвочки.—Мы хорошо запомнили тебя! Это ты убила нашихъ сестеръ!

Онѣ указали ей на мертвыхъ бѣлыхъ дѣвочекъ, лежавшихъ въ травѣ.

— Я не убивала ихъ,—попробовала защищаться Зина.

— Какъ? ты скажешь, что не рвала вчера маргаритокъ?

Зина молчала. Она хорошо помнила, что маргаритокъ рвала очень много.

— А, видишь!—закричали цвѣты.—Ты не смѣешь лгать! Ты убила столько маргаритокъ!—Убирайся же вонъ отсюда и больше никогда къ намъ не подходи! У тебя нѣтъ сердца! Ты скверная, злая дѣвченка!

Зина заплакала отъ обиды и проснулась.

— Что ты, что ты, Христось съ тобою! — окликнула ее нянька, подходя къ кровати.

Зина не сразу перестала всхлипывать. Она бросила косой взглядъ на столъ.

На нёмъ лежали завявшіе цвѣты.

— Пора вставать, дѣтушка, давно день на дворѣ, — сказала старуха, принимаясь обувать дѣвочку: — полно плакать-то, не о чемъ!

Но Зина уже не плакала.

— Я въ садъ пойду, няня... погулять до чаю.

— Чтожъ, иди съ Богомъ... побѣгай... только не рви ты, Зиночка, цвѣтовъ попусту... Смотри, сколько зря загубила. А они бы цвѣли себѣ да цвѣли въ саду, красовались... А ты нарвала ихъ да и бросила.

Зина вдругъ обвила шею няньки руками и тихо промолвила:

— Я не буду больше рвать цвѣтовъ!

— Ну, вотъ, это дѣло! Умница! — похвалила нянька, — а то что зря ихъ губить.

Зина вздохнула.

Теперь она понимала, какъ ея старая нянька была права.

Анна Догановичъ.

СОБАКА *).

(Бурятская сказка).

Давно это было. Собака жила одна въ лѣсу и соскучилась; захотѣлось ей съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ жить. Пошла искать. Идетъ, встрѣтила волка.

— Волкъ, а волкъ, давай вмѣстѣ жить: намъ будетъ не такъ страшно да и веселѣе.

— Хорошо, собака, будемъ вмѣстѣ жить. Зажили они вдвоемъ.

Разъ ночью собака услышала въ лѣсу шорохъ и стала лаять. Волкъ ей и говоритъ:

*) Заимствовано изъ записокъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.

— Не лай, собака! Придетъ медвѣдь и насъ съѣстъ.

«Ага», — подумала собака, — «волкъ боится медвѣдя, значитъ медвѣдь сильнѣе его».

На другое утра собака ушла искать медвѣдя; встрѣтила и говоритъ:

— Медвѣдь, а медвѣдь, будемъ вмѣстѣ жить!

Медвѣдь согласился, и зажили они вмѣстѣ.

Разъ ночью собака залаяла.

— Не лай собака, — сказалъ медвѣдь, — придетъ левъ и съѣстъ насъ.

«Ага», — подумала собака, — «медвѣдь боится льва, значитъ левъ сильнѣе медвѣдя».

И собака ушла искать льва, нашла и просить:

— Левъ, а левъ, будемъ вмѣстѣ жить!

Левъ согласился и зажили они вмѣстѣ.

Ночью собака залаяла. Левъ говоритъ:

— Не лай, собака, придетъ человѣкъ съ синимъ желѣзомъ *) и убьетъ насъ.

«Ага», — подумала собака, — «левъ боится человѣка, значитъ, человѣкъ сильнѣе льва. Пойду искать человѣка».

*) Ружье.

Собака ушла ото льва, нашла человѣка и говорить ему:

— Человѣкъ, будемъ вмѣстѣ жить!

Человѣкъ охотно согласился.

Разъ ночью собака слышала шорохъ и стала лаять.

Человѣкъ всталъ, захватилъ съ собою «синее желѣзо» и пошелъ смотрѣть, на что это лааетъ собака.

— «Усь! Усь!—покрикивалъ онъ, ободряя ее.

«Вотъ кто никого не боится!» — подумала собака.—«Нѣтъ на свѣтѣ звѣря сильнѣе человѣка!..»

Съ тѣхъ поръ собака осталась жить съ человѣкомъ и никогда не покидаетъ его.

Клавдія Лукашевичъ.

ЛЮБОВЬ ВСЕ ПОБѢЖДАЕТЪ.

— Живѣй, живѣй, дѣтки, одѣвайтесь!
Пойдемъ въ лѣсъ,—сказаль отецъ, загля-
нувъ въ комнату, гдѣ играли дѣти.

Было воскресенье. Прелестный весенній
день такъ и маниль вдаль, и дѣти прыгали,
скакали отъ восторга, кричали, что будутъ
играть въ кустахъ въ прятки.

Но больше всего радовало ихъ то, что
въ лѣсу росли вкусные орѣшки, которые
можно рвать, потому что орѣшина—деревцо
гибкое, его легко нагнуть низко и набрать
полные кармашки великолѣпныхъ золоти-
стыхъ орѣховъ.

Дѣти живо собрались и пошли съ отцомъ
въ лѣсъ. Лѣсъ былъ отъ нихъ недалеко.
Вотъ вошли они на лужайку и стали рвать
цвѣты, украшали шляпы, плели вѣнки, на-
брали букетъ изъ лучшихъ цвѣтовъ для
мамы. Потомъ начали играть. Наконецъ,
углубившись въ чащу лѣса, стали собирать
орѣхи. По лѣсу шелъ крикъ, звенѣлъ весе-
лый смѣхъ, дѣти поминутно звали на по-
мощь отца, чтобы онъ сучковатой палкой
нагибалъ имъ толстые стволы; отецъ под-
ходилъ, нагибалъ то ту, то другую орѣшину;

дѣти проворно срывали орѣхи, хохотали, радовались, если кому-нибудь изъ нихъ удавалось набрать больше орѣховъ.

Когда карманы были полны, и всѣ начали чувствовать усталость, отецъ прилегъ на травѣ, подтвердивъ дѣтямъ, чтобы они далеко не отходили, такъ какъ въ лѣсу можно заблудиться. Онъ вскорѣ заснулъ; дѣти бѣгали и прятались въ кустахъ. Затѣмъ они собрались въ кучку для совѣщанія, какъ дальше играть, какъ вдругъ послышался довольно сильный шумъ, и въ сосѣднихъ кустахъ промелькнуло что-то черное. Затѣмъ опять все смолкло. Дѣти въ страхъ жались другъ къ другу и, не умѣя себѣ объяснить происшедшаго, боялись двинуться съ мѣста.

Черезъ нѣсколько минутъ они пришли въ себя и стали перешептываться.

— А что если это волкъ?—сказала, вся дрожа, Лина.

— Онъ насъ навѣрно всѣхъ съѣстъ!—говорила плача Нюта. Но въ ту же минуту, взглянувъ на спящаго отца и немного успокоившись, прибавила.—Если бы разбудить папу, онъ и насъ, и себя защитилъ бы отъ волка.

— Нѣтъ, нѣтъ папу нельзя будить, — сказала старшая Вѣрочка, — онъ усталъ, пусть отдохнетъ.

— Не станемъ его будить, — замѣтила Зоя. — Покроемте его нашими накидками и будемъ сторожить.

— Хорошо, — воскликнула Вѣрочка, — насъ тутъ четверо, — наломаемъ себѣ прутьевъ, станемъ порознь на четырехъ углахъ, за деревомъ, и будемъ караулить, а когда волкъ приблизится, бросимся на него всѣ сразу, папа тѣмъ временемъ проснется и спасетъ насъ.

Совѣтъ Вѣрочки показался всѣмъ разумнымъ, не легко было его привести въ исполненіе, потому что всѣ такъ были напуганы, что ни за что не хотѣли отойти другъ отъ друга, а караулить надо было со всѣхъ сторонъ. Пока ломали прутья и были всѣ вмѣстѣ, они храбрились; наконецъ, пошли, держась за руки, и покрыли отца всѣмъ, что только у нихъ было взято съ собой.

Наконецъ, наступила страшная минута, когда каждая изъ нихъ должна была идти одна и стать за деревомъ.

Съ волненіемъ дѣти разбѣжались.

Прошло нѣсколько времени. Отецъ про-

снулся и, не видя дѣтей, сталъ звать ихъ. И какъ онъ удивился, когда увидѣлъ, что милыя дѣтки его бѣгутъ къ нему, блѣдныя, испуганныя, съ прутьями въ рукахъ. Отецъ не на шутку встревожился, разспросилъ, въ чемъ дѣло, отчего они перепуганы и жмутся къ нему; онъ услышалъ о волкѣ и объ оборонѣ отъ него.

Въ ту минуту шорохъ повторился, дѣти отчаянно крикнули; отецъ оглянулся и увидѣлъ въ кустахъ черную корову.

— Не даромъ говорится, что у страха глаза велики!—сказалъ отецъ.—Пойдемте-ка со мной, вы увидите, что вамъ нечего было бояться.

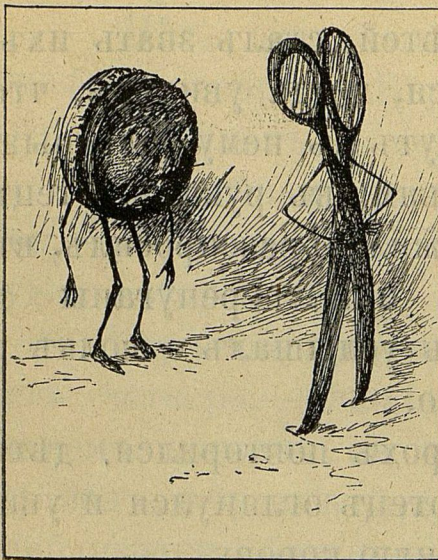
Всѣ подошли къ коровѣ, которая съ большимъ аппетитомъ щипала сочную траву.

— Видите, дѣтки, вамъ нечего было бояться... Волки не водятся въ такихъ небольшихъ лѣсахъ, и, вообще, они бросаются на людей только тогда, когда очень голодны.

Вскорѣ дѣти успокоились и весело смѣялись.

Отецъ крѣпко обнялъ дѣвочекъ, одѣлъ ихъ, такъ какъ солнце уже близилось къ закату, и они поспѣшили домой.

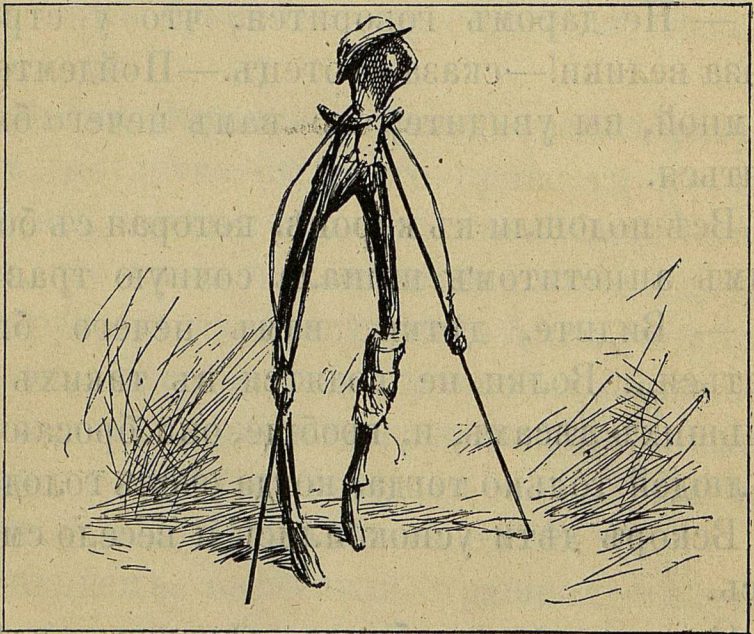
Евелина Аренсъ.

Ножницы и туалетная подушечка.

Ножницы. Ножницы, стоя передъ туалетной подушечкой, участливо спрашиваютъ, почему у нея такой печальный видъ?

Туалетная подушечка. Ахъ! не спрашивайте, я ужасно страдаю... Я наглоталась булавокъ.

— Кто вы такой? Я васъ не знаю.— Нѣтъ, знаете, вы сударыня съ вашимъ братомъ сдѣлали меня инвалидомъ. — Я васъ не знаю—проходите. — Я душка отъ гуся, которую вы изломали вчера за обѣдомъ... Берите меня и помните...

